

ЧЕРВЯК-ХИТРЯК

изнь стелется, что пшеничка мелется, как зернышко ни сыпь, все мукой будет. А как наверх побежишь, смотри, чтоб низ не ухватил.

В одном червивом государстве жил червяк по прозвищу Хитряк. Он с детства прыткий был, знал, куда подлить, откуда отсыпать. Вот, пришло ему время пути-дороги выбирать. “Пойду я,— решил он,— в гору. Там, наверху, слышал я, достаток и почет имеется”.

Пополз червяк к горе, она в ихнем государстве одна возвышалась.

— Куда ползешь? — спрашивают его.

— Ползу в гору. Высокое положение занимать буду.

— Да, куда тебе,— смеются,— ты с пыльцу, а гора с врстцу. У тебя ни ног, ни крыльев нет.

— Ничего, ничего,— думает про себя червяк,— хитрость да сноровка, вот и дело пойдет ловко.

Подполз он к горе. Распластался, в одном месте шишкой надулся, в другом жгутом перетянулся и давай кричать, верещать:

— Ой, народ честной, травяной, да лесной! Упал я с горы, искалечился, не могу ползти, а там, на горе детки малые остались, пропадут, погибнут без меня.

Стонал и причитал натурально, так что подействовал на всех морально. Собрались сердобольные жучки да букашки. Подхватили червяка и потащили его в гору. Тащат, пыхтят, не бросают, хотят доброе дело сделать, малыхдеток спасти.

А червяк постанывает да поохивает, козявочек слабым голосом похваливает. Правильно, дескать, поступаете, что меня несчастного червяка спасаете. Тащили, волочили, к вечеру полгоры внизу осталось.

— Спасибо, вам, жучки-братки, устали вы, намаялись,— говорит червяк,— полегчало мне малость, я уж теперь сам как-нибудь до дому доберусь.

Положили козявки червяка под листик, а сами пошли внизк своим норкам, пригоркам. А червяк зевнул, потянулся, клубочком свернулся, до утра сладко проспал.

Утро настало. Червяк на тропку выполз, опять распластался, в одном месте шишкой надулся, в другом жгутом перетянулся, стал орать, причитать.

— Ой, народ лесной, травяной, упал я, с самой вершины скатился, перекрутился. Не могу обратно подняться, нет у меня, ни ног ни крыльев. А там наверху детки мои пропадают, плачут, голодают.

Ну, опять собрались сердобольные жучки, паучки, которые на середине горы жили, подхватили червяка и потащили вверх. Занесли насамую вершину, дальше некуда.

— Ох, спасибо, вам, добрые букашки,— постанывает червяк,— буду своих деток искать, здесь они где-то остались.

Ушли, разлетелись жучки и букашки, а червяк-Хитрякв клубок свернулся, до утра сладко проспал.

Утром проснулся, оглянулся: выше всех он очутился. Внизу деревья, что травинки, кусты — былинки, а червяков и жуков не видно за малостью.

— Ну, что, ловко? — хвалится про себя червяк. — Без ног, без крыльев родился — выше всех очутился. Я — Хитряк, первый на вершинечервяк,— заорал червяк, что было силы.

А тут птица пролетала мимо. Слышит, что за шум-талмота? Присмотрелась, а это червяк, гладкий, жирный, на самой вершине лежит. Таких червяков никогда тут не бывало. Твирк, гылк — и нет червяка — Хитряка, будтово все не бывало.

СУНДУЧИХА

ерегла баба блины к масленке, они возьми и скисни, оставлял дедобед к ужину, а коты съели, не сдюжили. А вы, добрые люди, что есть, кушайте, мою сказку послушайте.

На краю села сорока гнездо свила. Там стоял дом, жила в нем баба.

— Что одна живешь,— спрашивают,— мужа, детей не заводишь?

— Мне сундук большой, что муж родной,— говорит.

Так и прозвали ее Сундучиха. Брови мохнаты, руки лопатой, нос – курнос, на полвершка отрос, среди щек затерялся. Пол она не мела, не дай Бог, крошки какие выметет. Кур загоняла в избу, чтоб поклевали. Посуду тоже не мыла. Жалко ей было крупинки каши с чугунков да горшков смывать. Платки, поневки, всякие обновки наизнанку выворачивала и так первый десяток лет носила, чтоб не выцветали, да не трепались с лица. Было время, гости к Сундучихе ходили. Она им каши наперсток поставит, иголку даст:

-Угощайтесь, гости дорогие.

Гости не знают, серчать или смеяться.

-А я всегда так,— говорит,— наперсточек каши съем и сытая.

Как-то вечером вошел в село странник. Усы как сахар белы, борода на два клинышка. Постучался в крайнюю избу:

— Хозяюшка, пусти переночевать,— а это как раз дом Сундучихи был.

— Заходи, коли пришел,— буркнула хозяйка,— только на угощение не рассчитывай. Наперсток каши дам, и ладно тебе будет.

Поставила она перед странником наперсток каши, иголку дала — так гостя и приняла. Ловит странничек иголкой крупинки каши, поймать не может, а поймает, до рта донесет— уколется. Весь язык исколол, а сытым не стал. Поблагодарил странник Сундучиху за угощение.

— Только,— говорит,— как гостям дается, так и самим есть придется.

Сказал и исчез, как сквозь землю провалился.

Утром Сундучиха каши наварила, полную чашку себе положила, не обидела. Только ложку поднесла к чашке, а она в наперсток превратилась. Другую чашку наполнила, такая же история произошла — чашка в наперсток превратилась. Хотела она из чугунка каши зачерпнуть, да только облизнулась: вместо чугунка наперсток стоит.

— Никак это странник заговорил мои плошки, чугунки, — смекнула Сундучиха, — ничего, старичонка, худая бороденка, я тебя проведу, приготовлю себе другую еду, без горшков и чугунков.

Напекла она картошки, на тряпицу выложила. Ко рту подносит первую картошку, глядь — а картошка величиной с горошку, как раз по наперстку. Так же и вторая, и третья. За что ни ухватится Сундучиха, только в рот, а оно наоборот: уменьшается, так что в наперсток помещается. Кусок хлеба — с крошку, кусок мяса — с мошку.

Поняла Сундучиха, что крепкое слово у странника, никак его не обойдёшь.

— Ой, что со мной приключилось, что сотворилось! Все против меня оборотилось! — заохала Сундучиха. Да что делать? Так и пришлось ей иглой из наперстка кашу выбирать.

Узнали в селе, что стало с Сундучихой — кому смешно, кому жалко.

Жил в том селе старичонок, голова — с бочонок, умищев — тыща. Говорит он Сундучихе:

— Ты, Сундучиха, добро свое все раздай до последней ниточки, увидишь, все и образуется. Странник тот не простой был, и слово его особенное.

— Да как же без добра образуется! — вскрикнула Сундучиха. — Богатству не водиться, жизнь на что годится? Оно ведь по крупичам собрано, по малу сбережено.

— Эх, Сундучиха, голова твоя ореховая, сердце с прорехою, Добро твое по сундукам и амбарам лежит, а ты крошки собираешь, — махнул дед рукой, да ушел.

Намучилась Сундучиха, наголодалась, телом исхудала, зато в голове светлей стало. Надумала она раздать свое богатство. Стала она бедным помогать, добро свое раздавать. Чем больше отдает, тем лучше дело идет. На сердце легко, да и в животе не пусто, чашки в наперстки перестали превращаться, а куски уменьшаться. Стала она и телом не хилая, и людям милая.

КАК САПОГ НА ТУФЛЕ ЖЕНИЛСЯ

ил-был сапог. Хозяину верно служил, грязь месил. Очень его уважал, нигде ему не жал.

Как-то говорит он другому сапогу, с кем в паре ходил:

— Слышь, брат, хозяин-то наш с хозяйкой живет, она ему обед варит, встречает, провожает, а мы с тобой бобыли. Давай женимся.

— Жениться бы хорошо, да на ком?

— А вот, туфли хозяйкины, очень хороши. Я на левой женюсь, а ты на правой, заживем припеваючи.

— Давай,— согласился другой.

Послали они сватов — пару рваных носков.

Одна туфля никак не хочет замуж идти.

— Я,— говорит,— как посмотрю на хозяйку — никакой пользы от замужа нет. Рано встает, на стол подает, а как спать ложиться, все стонет: ох, моя поясница. С этим замужем износишься в два счета.

А другая туфля согласилась — пара и получилась. Надо свадьбу играть.

Пригласили спозаранку веник да портянку, пимы, пинетки, ботинки и танкетки. Как хозяйева улеглись спать, устроили они пир. Угощали с лаской гуталином да ваксой. Наелись, напились и в пляс пустились. Так тупотили, что чуть хозяев не разбудили.

Наутро отправились молодые гулять. Туфелька идет: тук-тук каблучком, а сапог: топ-топ, топ-топ.

— Ты бы, муженек, потише шел, а то я за тобой не успеваю, да и оглохнуть можно от такого топота.

Сапог, где грязь, где лужа не разбирает, знай себе, шагает. А туфелька завязла в грязи: ни вперед, ни назад, вот-вот потонет. Сапог и не заметил, что туфли-то рядом нет. Так и топал, пока домой не дошел. Туфля едва-едва выбралась из лужи, пришла домой сердитая, вся грязью залитая.

— Не буду,— говорит,— с тобой, сапожищем-мужичищем жить, ты меня чуть не утопил.

Так и ушла от него.

